

Дина Дубровская

Ненасилие наси

С незапамятных времен на оживленном перекрестке торговых и военных путей, ведущих из Китая в Тибет и из Тибета в Китай, располагались земли древнего народа, известного под именем наси. Ныне наси — одна из пятидесяти шести официально признанных этнических групп КНР, царство фактического матриархата, где неофициальные браки *ачжу* одержали верх над правительственными декретами, где до сих пор сохранилась пиктографическая письменность и ровно сто дней в году цветет самая красивая в мире камелия.

Конспект ожиданий

Чтобы приобщиться к самобытной культуре этих выходцев из Тибета, считающих себя потомками богов, придется отправиться в предгорья Гималаев — на северо-запад китайской провинции Юньнань и на юго-запад провинции Сычуань. Скорее всего, вам не удастся полюбоваться невероятными костюмами женщин из уезда Нинлан, надеваемыми ныне лишь на праздники, а жаль: черные тюрбаны, массивные серебряные серьги, овечья шкура через плечо, подпоясанные изукрашенными ремнями юбки до земли немедленно заняли бы все место в ваших айфонах. Но не беда! В местном историческом центре, городе Лицзяне, от ваших глаз не скроются ни пламенеющие алым одежды лам религии дунба, венчающих головы остроконечными шляпами, ни уникальное картиночное письмо — последние рабочие пиктограммы на планете. Будет праздник и для слуха: звуки здешней музыки на смолкают с XIII века, когда были занесены сюда еще при внуке Чингиса — Хубилае.

Какие-нибудь двести километров автопробега на север от города Дали по Юньнань-Тибетскому шоссе, и вы в старом Лицзяне — в полутысяче километров от столицы провинции, города Куньмина (всего 40 минут спотыкающегося полета на маленьком местном самолетике). И верно: дорога в Шангри-Ла — сказочную страну, подразумевающую тибетский рай — Шамбалу, тянется по сказочным и райским местам. Покрытую снегом гору Юйлун (Яшмовый дракон) сменит ущелье Прыгающего Тигра и река Цзинша, а за первой излучиной Янцзы (знакомой тибетцам под названием

Дубровская Дина Викторовна, по образованию (Институт стран Азии и Африки при МГУ) историк-китаевед, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Стажировалась в Китае. Автор двух монографий по истории Китая («Судьба Синьцзяна» и «Миссия иезуитов в Китае»), ряда переводов англоязычных авторов и (под псевдонимом Анна Одина) собственной беллетристической трилогии «Четвертый берег» («Амфитрион», «Магистр», «Всадник») в соавторстве со Станиславом Михайловым, выпущенной издательством АСТ.

Дричу), стекающей с «крыши мира» — Цинхай-Тибетского нагорья, привольно раскинулся единственный в мире молодой ледник, расположенный на тропической широте и блаженно не ведающий о глобальном потеплении.

Но конечная цель нашего путешествия — пейзаж с легендарным озером Лугу в центре, утопающим в сказаниях народа наси, как бриллиант в бархатной подушке. Устремим любопытствующий взгляд в озеро, посередине которого притаился голый островок, где в железной клетке умирала от жажды сестра тутошнего правителя Боасы, обреченная мстительным братом на мучительную смерть

Потомки змеиных богов

Европа узнала о наси не так давно: практически одновременно, в конце сороковых годов прошлого века, им посвятили книги австро-американский путешественник Джозеф Рок и русский белый офицер Петр Гуляр, побывавшие в «Забытом царстве». С тех пор споры о происхождении наси так и не умолкли: история древнего этноса тянется с начала новой эры, а его представители спустились в нынешнюю Юньнань с Тибетского нагорья. Обычно различают две ветви наси — более «тибетских» мосо (так традиционно называли весь народ китайцы) и собственно наси, в культурном плане близких ханьцам. В священных текстах наси упомянуты таинственное озеро Манасаровар, священная гора Кайлас, яки и жизнь на горных склонах, поэтому не удивительно, что наси называют тибетцев старшими братьями, а бирманцев — младшими. Насийцы считают, что их предки и герои связаны прямыми родственными узами с индуистскими богами: большинство их вылупились из яиц, волшебным образом зародившихся от соединения не только гор и озер, сосен и камней, но и нагарадж — царей и повелителей змей и смертных женщин.

Как и тибетцы, бирманцы и черные лоло, наси принадлежат к тибето-бирманской языковой группе. Похожи представители этих народов и внешне, немного отличаются лишь костюмы и диалекты. Со времен династии Тан (618—907) и по настоящее время, наси добровольно и успешно обратились к культуре Среднего государства. Так, мужской их костюм уже неотличим от китайского, разве что женщины до сих пор придерживаются собственной живописной моды.

Большинство наси хороши собой и ладно скроены, многие из них выше среднего роста. Цвет лица мосо темнее чем у среднего ханьца, но есть и исключения, а зачастую они напоминают европейцев-южан. Высокие скулы сочетаются с европеоидным лицевым углом, длинным носом хорошей формы, с явно выраженной переносицей. Пожелай насийский джентльмен прищепить нос пенсне, он смог бы это себе позволить — в отличие от типичного китайца. Глаза у мосо широкие и карие, порой даже зеленоватые, темные мягкие волосы зачастую отливают медью (некоторых вообще можно назвать шатенами) и даже вьются. В общем, лишенный предвзятости наблюдатель с легкостью увидит в жителе, скажем, Северной долины фермера из Южной Италии или Испании.

Мосо — люди открытые, страстные и темперамент имеют холерический. Так и положено обитателям земель, расположенных выше двух с половиной километров над уровнем моря, — вспыльчивость и раздражительность вызвана разреженной атмосферой предгорий, ответственной за горячий горский нрав. В остальном наси, как и тибетцы, — один из самых жизнерадостных народов в мире. Они постоянно улыбаются, смеются, шутят и перекрикиваются, а по вечерам при каждой удобной возможности пускаются в пляс. А еще наси — прирожденные сплетники и говорят не умолкая. Нет секрета, который не стал бы известен всей округе за пару дней или даже часов.

Феминистки поневоле

Китайцы, знавшие наси с давних времен, писали о них удивительное. Автор времен династии Мин фиксировал в «Описании провинции Дянь»: «Народ цуань распространился по местности Дянь и расселился на плоскогорьях. Там было принято, чтобы муж и жена совершенно не встречались друг с другом в течение дня, но разделяли постель по ночам. Дети не видели своих отцов, пока им не исполнялось десять лет, а жены и наложницы не испытывали ревности друг к другу». Это, пожалуй, самое первое упоминание знаменитой насийской брачной практики *ачжу*, напоминающей первобытную японскую форму брака «цумадои» («посещение жены»).

Считалось, что целью женщин при совокуплении является рождение ребенка, а мужчина, выступающий в этих отношениях в роли благодетеля, оплодотворяющего сухую почву, просто должен хорошо провести время. Родство у мосо матрилинейное, дети живут с матерью и, как уже было сказано, до десяти лет не общаются с отцом. Когда входящий в возраст юноша ощущает необходимость в контактах с женщинами, он просто обменивается со своей избранницей подарками и начинает посещать ее дом, каждый день возвращаясь домой, под бочок к матери и сестрам.

Подобный сексизм дополнялся и древними традициями: женщинам не позволялось сидеть в присутствии мужчин и уж тем более принимать вместе с ними пищу. Не могли женщины ни спать на верхних этажах домов, ни оставаться там дольше, чем того требует уборка (нечистым существам нельзя находиться выше голов мужчин). Жен и вовсе можно было покупать и продавать, а старшие сыновья имели право избавляться от вдовых матерей. Бесконечный ручной труд был женским делом, но, как ни странно, женщины не перечили. Тихо и непрерывно, подобно корням деревьев, подтачивающим горы, они превращали себя в могущественную расу господ, полностью поработивших своих угнетателей-мужчин.

Обратив свой взгляд к тонкостям коммерции, дамы наси превратились в купчих, посредниц при купле-продаже земли и всякого добра, заправски хозяйничали в лавках и стали полноценными бизнес-леди. Мужчинам осталась роль праздных постояльцев и бэби-ситтеров. Смекалистые насийки снимали с предприятий золотой урожай доходов, а мужья и сыновья плелись к ним на поклон с протянутой рукой — денег у них не было даже на табак. Научившись удерживать мужчин под сладкой властью звонкой монеты, щедрые хозяйюшки, не мелочась, дарили возлюбленным одежду и безделушки, покупали еду и горячительное. Без вмешательства и помощи женщин в Лицзяне нельзя было сделать ничего. Мужчины не имели представления, какие товары хранились на их собственных складах и по каким ценам продавались, — чтобы разобраться с денежными вопросами, пришлось бы обращаться к румяной девушке-меняле. Спускавшиеся с Тибета караваны привычно отдавали товар на хранение женщинам наси — иначе не миновать значительных убытков.

Возвращаясь к *ачжу*, заметим, что браком эти отношения, в сущности, не являлись, и после установления КНР предпринимались попытки фиксировать связи между мужчинами и женщинами официально. Большого успеха реформы не имели — из тридцати «расписанных» семей двадцать шесть распалось, наси добровольно возвращались к системе *ачжу* — и мужчины и женщины.

Девушки-грузчики и юноши-воины

Вынужденные из поколения в поколение тренироваться, перетаскивая на спинах объемистые грузы с рынка на рынок, от караванов до складов, лицзянские женщины поразительно развились физически. Сделались дородными, широкогрудыми и сильнорукими. Да и характер насийских дам стал под стать «физике»: они приобрели

уверенность, напористость и смелость, превратившись в мозг семьи, единственную ее опору. Жениться на женщине наси означало до конца дней обеспечить себе безбедное существование и возможность прохладиться в безделье. Насийские невесты стали цениться крайне высоко. По статистике же у мосо на пятерых ребят приходится лишь четыре девчонки, поэтому если мужчине удавалось жениться, можно было считать, что ему повезло. В жены брали женщин любого возраста: часто восемнадцатилетние парни женились на тридцатипятилетних дамах. Да и какая, в сущности, разница — мальчик обретал «каменную стену», за которой мог спрятаться навсегда.

Так и получилось, что, будучи в теории презренными и забытыми созданиями, женщины мосо стали на практике править бал. Изнеженные же мужчины даже физически редко соответствовали мощным подругам. В юности паразитировали на матерях и сестрах, проводя время на пикниках и в азартных играх, а с возрастом оставались трутнями сидеть дома, приглядывать за детьми, болтать с приятелями и покуривать опиум.

И все же не стоит думать, что мужчины наси стали трусливыми или женственными вне дома и быта. Напротив, на полях не торговых, но боевых, они с древнейших времен были известны храбростью, мужеством и патриотизмом. Иначе племя попросту не спустилось бы с Тибета и не потеснило бы аборигенные племена лицзянской равнины. Солдаты-мосо всегда были стеновым хребтом юньнаньской провинциальной армии, и если шли на бой, бились насмерть. В конце марта 1938 года насийские батальоны, входившие в армию Чан Кайши, разбили японских самураев в знаменитой битве при Тайэрчжуане. Они никогда не поворачивались к противнику спиной, были неутомимыми наездниками, отличными путешественниками и месяцами существовали на ограниченной и однообразной диете. Получается, что насийский «матриархат» отнюдь не лишил мужчин мужества.

У озера

В двухстах километрах на север от Лицзяна находится озеро Лугу. Кристально чистые воды, словно гвоздиками, усеяны точками островков. Пейзаж, сочетающий густые леса и отражающиеся в воде горы, заставляет всерьез задуматься о существовании рая на земле.

Высшей точкой описанной выше подковерной борьбы полов, да еще и в рамках одной семьи, стал казус деревни Боа-сы в Северной долине, где произошла масса важных событий из истории наси. Там возвышается и грандиозный храм божества-покровителя Лицзяна — Саддока. Именно в этих краях было повержено и рассеяно войско, возглавляемое сестрой насийского правителя, выданной замуж за Юннинского князя. Женщина быстро забыла о верности родному дому и открыла мужу важные секреты родного племени. Когда вероломную предательницу захватили в плен, брат велел поместить ее в железную клетку на островке посреди озера. Изменницу велели изобильно кормить, а пить не давали. Так она и умерла посреди целого озера пресной воды.

Шаманы на страже гармонии

Подобно тибетцам, наси приводили в отчаяние миссионеров. Веками католики и протестанты безуспешно пытались форсировать предгорья, но христианские падре не могли конкурировать на собственной территории с ламами-дунба — «мудрыми людьми» религии бон, признанной Далай-ламой пятым направлением тибетского буддизма. Да и что могли предложить этим людям миссионеры? Они ведь настаивали

на воздержании от всего того, что было тем дороже, — от вина и табака, от танцев, болтовни и утех с красотками на бесконечных пикниках. Любое общение с духами табуировалось, поклонение предкам, паломничества в прекрасные монастыри и посещение храмов осуждались. Так наси и не стали христианами.

Зато местные шаманы успешно проводят ритуалы для гармонизации мирного сосуществования человека и природы. И похоже, не напрасно: провинция Юньнань — одна из самых красивых в Китае, и из упомянутых пятидесяти шести нацменьшинств в ней — на фоне половины всех известных в Поднебесной видов растений и животных — обитают пятьдесят две. Дунба учат, что природа и человек — сводные братья, рожденные двумя матерями от одного отца (брак ачжу?!). Кстати, до того как верования наси подверглись влиянию религии бон, шаманами этого народа были женщины.

Шаманы представляют собой и законных обладателей сакральной письменности наси, тоже именуемой дунба. Наси называют это письмо «записями на камне», объединяют с еще одной системой — геба (логограммы для записи буддийских сутр) и латиницей и используют как общую письменность. Пиктограммам дунба около тысячи лет, а точных правил их использования не существует — иногда из картинок составляют ребусы, и каждый пишущий может вложить в значок свой смысл. Цель записей дунба — трактовка ритуальных текстов для церемоний. Знаков в этой письменности более двух тысяч, и покрывают они пятьсот религиозных писаний.

Дама с камелией

Торжество юньнаньской природы проявляется и в «Бушевании камелий» — этой знаменитой достопримечательности Юйфэнского ламаистского монастыря. Растущей там вечнозеленой камелии по меньшей мере пятьсот лет, и цветет она с февраля по май. За эти сто с лишним дней сменяют друг друга более двадцати тысяч цветков, самые крупные из которых достигают в диаметре двух десятков сантиметров. Дерево считается самой великолепной камелией в мире.

Не дух ли заморенной жаждой сестры правителя Боаси расцветает тысячами камелий в монастыре Юйфэн, напоминая о том, что помимо гармонии человека и природы обществу необходима гармония мужчин и женщин, как это получилось у наси?